

ЗАМЕТКИ С ФЕСТИВАЛЯ «АЙТМАТОВ И ТЕАТР»

Соб. рукоп. - 1988 -
17 фев. - с. 10.

ОТКРЫТЫЕ КНИГИ

В аэропорту города Фрунзе нас, слегка ошеломленных ярким солнцем московских журналистов и представителей СТД СССР, встречали торжественно — в национальных костюмах, с цветами и лепешками. Нам вручили ароматные скалочные дыни и, рассадив в автомашины, помчали по направлению к снежным вершинам в лучшую гостиницу Киргизии — «Иссык-Куль».

Все-таки приятно чувствовать себя «высоким гостем». Особенно, если у ваших хозяев за плечами древние традиции восточного гостеприимства, а праздник, на который вы приехали, проводится, что называется, на правительственном уровне.

Правда, сразу немного удивило название фестиваля — «Айтматов и театр». Как-то плохо ассоциировался такой торжественный стиль с творчеством одного из интереснейших современных писателей, нервного, ищущего, неровного Чингиза Айтматова. Да и те восемь строк перечисления всех титулов и наград прозаика в фестивальных афишах, реклама, буклеты (прозаика, которого сегодня знают во всем мире, а в Киргизии просто и любовно зовут — Чингиз) тоже, честно говоря, как-то насторожили — неужели и этот фестиваль попробуют превратить в мероприятие, в пышное чествование юбиляра. Против чего, кстати, категорически возражал и сам юбиляр.

Забегая вперед, скажу — балансируя на границе между фестивалем для галочки и фестивалем живым и творческим, «Айтматов и театр» сначала робко, а потом все более уверенно обретал простор и свободу.

Но разве могло быть иначе, когда во Фрунзе съехались режиссеры, журналисты, критики, философы, литературоведы, актеры, драматурги из большинства республик. Когда они приехали с твердым желанием по-новому понять друг друга, спорить откровенно, задавать острые вопросы, вызванные нашим революционным временем. И разве не уникальный повод этому — фестиваль, посвященный творчеству писателя, никогда не уходящего от попытки решить самые болезненные проблемы. Вернемся, однако, к фестивальной программе.

Конечно, спектакли существуют не ради фестивалей. Более того, в отличие, скажем, от кинофестивалей сведенные в одно место театры попадают в условия неблагоприятные и невыигрышные. Увы, но что делать — вырванные из естественной среды, отделенные от своего зрителя, лишенные подчас элементарных технических условий, спектакли лишаются половины возможностей. Правда, теряя в одном, обычно находят в другом. И вот хочу отметить две любопытные особенности фестиваля фрунзенского.

Первая — поразительная даже по нынешним временам дистанция между лучшими постановками и остальными. И вторая. Тем не менее все спектакли, независимо от своих художественных достоинств, объединились в одно целое, словно скрепились отчетливо прописанной на сцене айтматовской темой. Темой осознания каждым народом своей национальной культуры. Ее корней и ее будущего.

Культура — это все то, что мы не имеем права забыть, — простая истина из вечера в вечер разными коллективами утверждалась во Фрунзе. И именно она позволяла участникам фестиваля

идти дальше и вслед за Айтматовым размышлять о культуре общечеловеческой.

Вообще вокруг темы национальной памяти, межнациональных взаимоотношений, взаимодействия разных культур, не заявленной в программе, в конце концов и развернулись главные споры. Откровенно признаюсь, такой поворот фестиваля был неожиданным. В Москве мне казалось, что разговор не выйдет за рамки дискуссий о правомерности инсценировок или трудностях сценической интерпретации айтматовского текста. Но речь на «круглых столах», пресс-конференциях, лабораториях, семинарах вела, повторяю, в основном вокруг вопросов национальных. Они же волновали гостей вечернего «Шерне» (клуба дружеских встреч), чьи споры порой заканчивались лишь под утро. Удивительный, беспрецедентный интерес друг к другу. Причем при полном доверии и изначальной доброжелательности.

Вокруг представителей прибалтийских республик всегда наиболее горячие споры. К ним и большинство вопросов — цель создания в республиках Национального фронта, что декларирует Народный фронт, отношение творческой интеллигенции к проявлениям крайнего национализма, обладают ли писатели и театральные деятели достаточным авторитетом, чтобы препятствовать подобным настроениям? Своими тревогами делятся молдаване и белорусы. Для них борьба за перестройку, демократизацию по-прежнему наполнена конкретным смыслом и требует конкретных поступков. В один из дней поступило известие о силовом прекращении митингов в белорусском местечке Куропаты, и этот эпизод, происшедший далеко от Фрунзе, становится предметом новых жарких споров и размышлений. Спорят о многом. О целесообразности возвращения народам Средней Азии прежнего алфавита, о принципах двуязычного преподавания в школах, да мало ли о чем! Вот таким, наверное, и должен быть сегодняшний подлинно творческий фестиваль, аккумулирующий общественные настроения, становящийся открытой трибуной независимых мнений и взглядов. И спектакли в подобной атмосфере воспринимаются иначе — органичной частью общего взволнованного разговора, подтверждающая правоту одних и разубеждая оппонентов.

Постановки Эймунтаса Некрошюса (Вильнюсский театр молодежи) и Андрея Борисова (Якутский драматический театр имени П. А. Ойунского) убедили всех. Много написано о них, покорила они и советского, и зарубежного зрителя, покорила профессионалов и снобов, любителей и людей, далеких от театра. Но снова спектакли «И дольше века длится день» и «Желанный голубой берег мой» (по театральным-то меркам, кстати, уже старые) прочли фрунзенским фестивалем как современнейшие. Настолько убедительно услышались в них тревожные айтматовские вопросы: «Кто ты? Откуда? Кто отец твой?»

Вообще-то такова уж специфика театрального искусства. Вспоминая спектакли, а их показали двенадцать, вспоминаешь прежде всего отдельные, не связанные меж собой сценки — удачные, порой поразительные образы, подсказанные режиссерским или актерским наитием. По прошествии времени, эти «картинки», зафиксированные памятью, многое объясняют и в тех дискуссиях

и разговорах, и в творчестве самого Айтматова. Словно завершают своей сценической логикой некую незавершенность прозы и наших размышлений о ней.

...На сцене стоит человек. В старом, выдавшем виды бушлате, в стоптанных сапогах, сутулый, жалкий, с усталым, изможденным лицом. В руке у него флажок, из тех, что вечно носят с собой стрелочки на разездах. А в следующее мгновение из правой кулисы в левую, через всю сцену, мимо кирзовых сапог усталого человека побежит по рельсам маленький игрушечный составчик. Откуда-то, верно, из вагона-ресторана, раздастся знакомая грустная песня «Широка страна моя родная», а колеса, словно настоящие, будут отбивать извечный ритм: «Раз, два, два, три. Раз, два, два, три...».

Удивительная вещь театр. Спорим о проблеме больших и малых народов, о романном мышлении и сценическом времени, о зависимости инсценировки от первоисточника, а тут минутный образ, удачный прием, и мир неожиданно приобретает цельность и завершенность. Найден верный масштаб. Театр, как это ему и положено, все ставит на свои места: человек в бушлате с флажком в руке, черное небо над его головой, крошечный поезд, бегущий под его ногами.

Так начинается спектакль режиссера К. Комиссарова «И дольше века длится день» вильяндинского театра «Угала», спектакль спорный, но своим удивительным началом возвращающий на мгновение истинный масштаб сущего.

А вот другой образ. Замерший в беззвучном и бессильном крике Бостон над телом убитого им сына в спектакле «Плаха» Фрунзенского русского драматического театра имени Н. К. Крупской. И опять происходит короткое чудо — киргизский актер А. Умуралиев, приглашенный на эту роль в русскую труппу, вдруг приносит в сумбурную и несколько надуманную постановку пронзительное человеческое отчаяние. И сразу нам открывается уже айтматовское отчаяние — отчаяние мыслителя, услышавшего поступь надвигающейся катастрофы.

Открытием для меня стал и одноактный балет «Легенда о птице Доненбай» Ленинградского академического Малого театра оперы и балета. Честно говоря, впервые довелось увидеть современную хореографию такой эмоциональной и интеллектуальной силы, такого безукоризненного пластического рисунка. Балетмейстер Леонид Лебедев размышляет над мощью и превосходством авторитарной силы, порождающей манкуртизм, как глубокий философ и тонкий художник. Тем обиднее было узнать о многих трудностях, с которыми сегодня сталкивается его небольшая балетная студия в Ленинграде.

Да, пожалуй, без таких театральных картинок — отрывочных воспоминаний об удачных режиссерских находках и актерских образах, неполными будут фестивальные впечатления. Без них не передать, насколько, оказывается, может быть сильно воздействие образов и мыслей писателя Чингиза Айтматова.

Фестиваль закончен. Показаны спектакли, сказаны традиционные слова, произнесены напутствия и благодарности. Машина уносит нас из Фрунзе, и теперь уже за спиной остаются громады снежных вершин. И остается с нами простая айтматовская мысль — мы живем в едином доме, и жизнь в нем зависит лишь от нас. И, видимо, из-за того, что мысль эта так проста, так очевидна, мы будем вновь раскрывать его книги, а театры вновь и вновь обращаться к ним.